

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю

Приложение к газете "Вперед", № 13, октябрь 1995 года

Было первое воскресенье октября. И ничто, даже неожиданно разбушевавшаяся непогода, не могло отменить праздник поэзии Бориса Пастернака, в девятый раз проводившийся в Хотькове. Хотя стоя на остановке в ожидании хотьковского автобуса и с трудом удерживая зонтик, который ветер пытался вырвать у меня из рук, я грешным делом подумала: неужели народ соберется? Мои опасения оказались напрасными. Народ собрался. Это были люди самого разного возраста. Хотьковские. И не только. Приехали завсегдагаи пастернаковских праздников из Сергиева Посада и Москвы. Некоторые, как и я, впервые.

Девятый год организует и ведет праздник поэзии Бориса Пастернака Татьяна Васильевна Смирнова, ныне сотрудник краеведческого отдела Государственного историко-художественного музея-заповедника. Хотьково не случайно стало местом проведения праздника. Великий поэт в далеком 1927 году снимал дачу в его окрестностях в деревне Мутовки. Написал здесь несколько стихотворений, письма. И литературное краеведение не может оставить этот факт незамеченным. В 1990 году, к 100-летию со дня рождения поэта, на доме № 14 в деревне Мутовки была открыта мемориальная доска в память о коротком пребывании здесь Пастернака с семьей - женой Евгенией Владимировной и четырехлетним сыном Евгением. Чтобы помнили.

Л. ГИРЛИНА,
зав. краеведческим отделом
музея-заповедника.

Сегодня, 21 октября, в 12 часов в библиотеке профкома ЗОМЗа соберутся друзья, коллеги и ученики А. С. ГОРЛОВСКОГО - талантливого педагога, блестящего лектора, плодотворного публициста и критика.

Сегодня мы возвращаемся к Горловскому и его времени. Читайте 4-ю и 5-ю страницы нашей газеты.

"Когда на дачах пьют вечерний чай..."

(9-й праздник поэзии Бориса Пастернака в Хотькове)

Как-то этим летом я шла с собакой по абрамцевскому лесу, задумалась. Друг сзади незнакомый голос:

- Скажите, в этом году будет праздник Пастернака?

Спрашивала девочка лет четырнадцати. А я каждый год думаю, стоит ли продолжать. Ведь на праздники поэзии Бориса Пастернака приходит в последние годы немного народу. Но услышав такой вопрос в лесу, уверенно ответила:

- Будет!
И я не ошиблась. Праздник состоялся. И пусть говорят некоторые, что они уже были в прошлые годы на таких праздниках, думаю, что не услышат ничего нового. Поэзия Пастернака нестерпима. И даже в написанных в нашей местности, в деревне Мутовки стихах, которые, ка-

залось бы, уж читаны-перечитаны, за это раз открылось много нового.

Найденные новые материалы, позволяющие ответить на вопросы, почему Пастернак уезжал каждое лето на дачу, и почему он выбрал именно нашу местность, и именно тот дом Веленева, который был снт под дачу. В историческом альманахе "Минувшее" опубликована переписка поэта с Р. Н. Ломоносовой. 20 мая 1927 года поэт писал: "Мы же, по-видимому, снимем дачу в 60-ти верстах от Москвы, поблизости от Абрамцева, когда-то именинника Аксаковых, в местности вообще очевидно отдаленнейшей высоким литературным вкусом (недалеке, в пяти верстах от деревни - именинник Тютчевых)". Далее Пастернак

объясняет в этом письме особенности архитектуры выбранного им дома: "Вы знаете, вероятно, что теперь дачи строятся и слоятся крестьянами наподобие собственных изб (...) И вот наш будущий хозяин в этом отношении особенно замечательный пример. В развороте и размахе строения он кобыше оторвался от психологии деревни и заскочил, надо думать, вперед. Глядя на кирпич и дерево этого коттеджа, верится, что он что-то знает (...) Достаточно сказать, что этот дом, который он, конечно, для себя строил, он вынес на самый обрыв, нет, более того, за овраг, укрепил дикую средин остальной деревни (по дачности и художественным запросам) террасу огромными бревнами. Выбор места делает подозрительным его классическое самосознание. Это лучше по живописности место террасе на двадцать кругом. Что-то такое мы видели у Ларсона и Цорна. Но его зовут Веленева, он не финн и в Скандинавию не знает". (Пастернак упоминает скандинавских художников, имена в виду, вероятно, их пейзажи с изображением сельских построек: в старинных крестьянских дворах Скандинавии ставились часто двухэтажные кельи и столбчатый амбар на столбах. При этом во втором этаже шла нависающая над землей галерея.)

Остается вопрос, почему Пастернак обязательно надо было выезжать летом на дачу. Ведь его материальное положение было очень тяжелым. Так, в 1925 году Корней Чуковский писал Р. Н. Лебедевой: "Есть в Москве поэт Пастернак. По-моему, лучший из современных поэтов. К нашему общему стыду он нуждается. Все мы обязаны помочь Пастернаку, ибо русская

литература держится и всегда держалась только Пастернаками. Он пишет мне горькие письма. Ему нужна работа". В другом письме тому же адресату К. Чуковский, обращаясь с просьбой дать Пастернаку переводческую работу, пишет: "Вы спасаете большого поэта от голода".

Евгений Борисович Пастернак сын поэта, родившийся в 1923 году, любезно предоставил фрагмент своих еще неопубликованных воспоминаний. Он пишет: "Было время НЭПа, обмученное неопределенное. После голодных лет не ожидало оказалось, что на свете существует хорошая и вкусная еда, любимые товары, включая даже такую полезную вещь, как хорошие пишущие принадлежности. При этом всегда не хватало денег. Отец работал ночами - днем ему мешала домашняя суета, частью которой была моя деятельность, буквально у него под ногами. Обедая мы в той же комнате, где он занимался. (...) По вечерам допоздна горела лампа под зеленым стеклянным абажуром на его рабочем столе, но без конца подливал себе крепкий чай из слегка шумящего самовара. Просыпаясь, я поглядывала из-за занавески на его склоненную фигуру за столом в голубом обитом лакированном диване. Ожидать его и позвать было совершенно немыслимо. Недаром на вопрос, как вы воспитываете своего сына, папа всегда отвечал: "Учу не мешать взрослым".

В то время Пастернак с семьей жил в многоэтажной квартире: 20 человек - 6 отдельных семейств. В 1928 году Союз писателей строил дом для своих членов и расселил анкеты, чтобы узнать жилищные условия каждого.

В анкете поэт писал: "Отослать обложен звуками, сосредоточиться удается лишь временами в результате крайнего, сублимированного отчаяния, похожего на самозабвение".

На его просьбу о перемещении квартиры было отвечено отказом.

По-видимому, была надежда, что на даче будут сносные условия для работы. Это оправдалось лишь отчасти. Необычная погода того лета: страшная жара в начале и сильные холодные дожди потом, а также обилие ягод, грибов, орехов помешали творческой работе. Но все-таки Пастернак написал в нашей, как он говорил, "прекрасной местности" несколько стихотворений. Связь между стихами и обстоятельствами жизни поэта летом 1927 года показали девочки из Сергиево-Посадской гимназии, занимающиеся в литературной студии "Пролог". К этой работе вполне может быть отнесен термин "литературное краеведение".

На празднике поэзии Пастернака выступила их руководитель-поэтесса М. Ю. Муравьева. Анализ стихов Пастернака, сделанный студией, мы предполагаем опубликовать в литературно-краеведческом альманахе.

Очень эмоционально было выступление поэта Льва Болеславского, замечательно читавшего стихи Пастернака. Музыка и пенные стали украшением праздника (Е. Сулрун, А. Кузьмина, П. Стрчик, Л. Астафьева).

Предполагается осенью этого года провести пастернаковский вечер в Сергиево-Посадской гимназии.

Т. СМІРНОВА,
старший научный сотрудник
музея-заповедника.

Какой же все-таки удивительный народ наши учителя! Казалось бы, столько пережито: война, разруха, похоронки... а они собрались в Малом зале Дворца культуры им. Ю. Гагарина на вечер, посвященный Дню учителя, и вспомнили забавные эпизоды своей молодости, да так артистично подыграли ведущей-молодой учительнице Елене Викторовне Видной, просто диву даешься!

На этом вечере, который назывался "Ожившие фотографии", радость соседствовала с печалью. Собравшиеся вспомнили тех, кто воевал, почтили минутой молчания память погибших, рассказали о том, как вместе с детьми учебной и трудом приближали час Победы. Звучали песни той далекой поры, стихи, звенел школьный звонок, было все, как прежде.

А потом был чай и концерт наших хотьковских друзей - вокальной группы "Надежда" под руководством Н. П. Непомнящих и солистки Л. А. Астафьевой.

На снимке: своими воспоминаниями делится учительница Елена Петровна Михайлова.

Фото А. СЕВАСТЬЯНОВА.

"Уже семь лет мы без него. Трудно, но мы пойдем по его заветам. Наша цель - нести культуру, знание и беспокойт общество нравственными вопросами".

Ю. БАЙКОВСКИЙ.

Мария МУРАВЬЕВА

А. С. ГОРЛОВСКОМУ

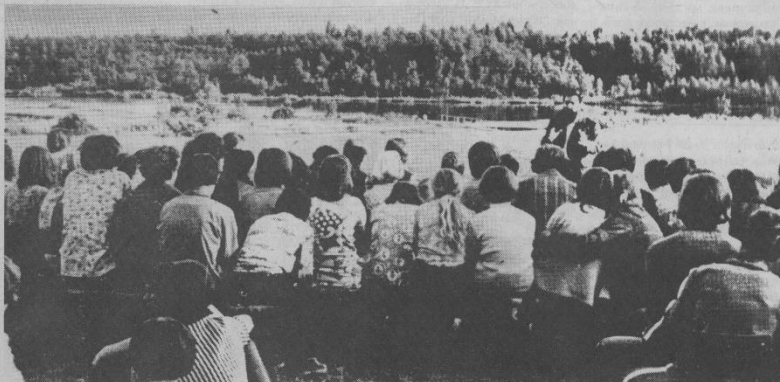
Не Вы меня учили говорить,
Над буквой "эр" не Вы со мною билесь.
И первыми успехами гордились
Тогда не Вы - и тех мне не забыть.

Когда еще была родная речь
Учебником, где Шпикин на обложке,
Когда цвели герани на окошке,
И в классе по утрам топили печь,

Придирчиво в штатетничке косом,
Когда еще растили детский почерк,
Тогда не Вы вели моим пером
В начале строчек.

И благодарно в памяти беречь
Те имена из милого былого...
Да, может быть, не Вы мне дали речь.
Но эту жажду вслушиваться в слово.

Внушили Вы - и сокровенный страх
Дошедшую из мглы веков туманных,
Давно умерших, ныне безмянных,
Живую весть лелеять на губах...

Мы не знаем, где и когда сделан этот замечательный снимок, кто эти люди, что им рассказывает Горловский. Наверное, он читает им свои любимые стихи. Слышите?

Ему не было равных

Ни по эрудиции, ни по работоспособности, ни по увлеченности, ни по блеску интеллекта и красноречию, ни по глубине мысли и открытости, ни по дружескому участию и оптимизму Горловский Александр Самойлович равных себе в нашем городе не имел. Даже студенты истфила МГПИ им. Ленина (он частью в течение пяти лет, пока я учился, забегал к нам в общежитие) считали его образованнее и умнее наших заслуженных профессоров и недоумевали, почему опрощаются в кинотеатре.

Как-то он забегал в МГУ (он учился там заочно) узнать расписание экзаменов с целью, подстрекаемый трюсамиками от страха одноклассниками, сдать на отлично предмет, о котором только что узнал в коридоре.

В голове он держал неисчислимое количество сведений и на любой вопрос мог, не прибегая к справочной литературе, дать исчерпывающий ответ. Цепкая память и интеллектуально развитый ум

... Утром наш вагонзак отцепили в Свердловске, и маневровый паровозик оттащил его на казие-то запасные пути. Когда нас вывели, я ахнул: это было то самое место, на котором в октябре 1941 года стоял вагон, в котором мы с мамой и сестрой эвакуировались из Москвы... Охранники с возбужденными овчарками вывели нас в узкое пространство между пакгаузами, откуда мы не очень видя были построненному глазу, приказали сесть на чемоданы (или на корточки, если чемоданов не было), чтобы еще менее были мы заметны, и оцепили колючем в ожидании торевных машин. Сел и... и не сразу заметил, что вокруг меня происходит какое-то странное, еле заметное движение.

Заметил я его, когда оно почти завершилось, когда оказался отрезанным от своих товарищей довольно плотным кольцом угольников. Распояржался этим движением тот самый элегантней красавец с бородкой. Даже не распояржался - просто смотрел, наблюдая, и только движение его глаз и бровей показывало, что это он задумал операцию, он ею и командует.

Они окружили меня неспешно и деловито, как волки свою жертву, понимая, что никуда я не денусь, не убеги и ни у кого не найду защиты. Их передвижения были почти незаметными: то один подвигаются на полшага, то другие.

Уж не знаю, видел ли это конвой, или ему было безразлично. А мои товарищи... Вот когда со всей глубиной ощутил я абсолютное свое одиночество и абсолютную беспомощность. Мои товарищи все прекрасно видели и понимали весь смысл совер-

шавшегося вокруг меня маневра, но ни одному из них и в голову не пришло предупредить меня или хотя бы окликнуть. В их глазах был страх и то же дикое, леденящее одиночество, которое ощутил и я.

А до меня смысл совершенного дошел тогда, когда я услышал пригласенную сквозь зубы команду (со стороны и увидеть было невозможно, что говоривший что-то сказал): "А ну, фразер, снимай пальто!"

Вот оно в чем дело! Мое новое, не успевшее еще дебютировать в тюрьме, считное в Казимире пальто попарилось кому-то из угольников.

Но ужасно не угроза остаться без пальто накануне зимы. Куда сильнее было чувство, ощущение полной беззащитности и жады не от этого нагло, убежденного в своей правоте граббежа, а от совершенного тут же, на моих глазах молчаливого предательства меня теми, кого я считал умными, честными, благородными. Все они сорока - пятидесятилетние люди отягидшие глаза, чтобы не встречаться с моими, делили вид, что ничего не замечают, что совершающееся в их присутствии вроде бы и не происходит.

Кажется, тогда я с предельной остротой осознал: вот она, ахилесова пята, так называемая интеллигентность, - ее разобранность, ее трусость, ее

пониго его воли выдвигали его на первое место в любом общесте, в любой компании.

Он мог часами читать стихи на память, попутно восхищаясь, комментируя, сопоставляя с другими, углубляясь в историю их создания, раскрывая поэтическое своеобразие того или иного поэта. Остаться равнодушными и не пойти за ним невозможно.

Горловский жил в свое время, и время жило в нем. Он был островаив полностью. Вряд ли его блестящие лекции о писателях и позах собрали бы сегодня такую огромную аудиторию, какой он был осмыслен в то время, когда тяга к культурному самосовершенствованию и глубокому познанию литературы была повсеместна, когда после полтора часов лекции он еще столько же отвечал на вопросы хорошо подготовленных слушателей. Ведь он обошел с лекциями все наши фабрики и цехи заводов, все библиотеки и клубы, все учреждения и школы, ведь он объездил с ними всю страну.

- Глава 13 -

ВНОВЬ ПО ЭТАПУ

(из неопубликованной книги А. С. Горловского "Академик, или Несколько месяцев из жизни молодого человека начала 50-х годов XX века". 1988 г.)

глубинный индивидуализм и эгоизм, только бы не мени!

Почти сорок лет спустя, читая в "Знамени" рассказы Василия Гроссмана о тех же диком, леденящем одиночестве, умело и "тонко" позабывших о его бедах, когда ему стало плохо, я снова вспоминаю этот свердловский эпизод и поразился, насколько точно и беспощадно сказал этот замечательный писатель о главной беде и главной вине русской интеллигенции перед своим народом: это ведь ее индивидуализм, ее трусость расчистили дорогу Сталину и сталинизму, да и теперь существуют контрастному воинствующему хама.

Будь она иной, по-настоящему бесстрашной и самоотверженной, не было бы нашей истории страшных тридцатых годов и всего последовавшего затем кошмара.

Впрочем, об этом уже много написано: и трифонное "Исчезновение" и трагическое "Пока заметен след".

Не знаю, чем бы кончилась эта история: хорошо бы еще, если только пальто сняли, могли бы и "перышко" воткнуть: ниш потом, разбирайся кто да что. На этапах дела не возмущало.

Но в этот момент заревели моторы, показалась приехавшие за нами машины, и все пришло в движение: раздалась команда конвоиров, рычали овчарки, вздымая

друзьям и при этом ни разу не пожаловаться на усталость или отсутствие времени. И многим было невдомек, что этот солидный, несколько даже вальяжный, обладающий роскошными знаниями и природным артистическим прекранным лектор, учитель и член Союза журналистов был когда-то на самом валеете своей многообещающей юности, стражен под давлением тайными решетками, унижительными досмотрами, ночными допросами, эззовскими пересыльными вагонами, сылкой и отравляющим душу беспривалием.

Нам трудно представить себе худого, тощего, двадцатилетнего студента-филолога среди разношерстной массы осужденных, гонимых надсмотрщиками в Казахстане, трудно осознать его детский ужас от творных над ним издевательств и ежeminутного унижения. Об этом страшном периоде своей жизни Александр Самойлович написал воспоминания на большой койке в последние дни своей жизни. Небольшой отрывок (книга не опубликована) из главы "Вновь по этапу" мы предлагаем нашим читателям.

Ю. ПАЛАГИН.

"... память о прошлом нужна не уходящим и не тем, кто ушел, - живущим. Без нее, памяти, теряется смысл самой жизни. Исчезает ее значительность и значимость - остается лишь существование. Если амнезия - утрата памяти - означает исчезновение одной конкретной личности, то амнезия общественная - означает распад общества, человечества. Что значим мы сами по себе? Ничего: ни выжить, ни огня извлечь, ни прокоррмить. Все, чем мы сильны, добыто тысячами, сотнями тысяч предыдущих поколений. Отними их опыт, их знание и умение - никакой ядерной войны не надо: сгинет человеческий род, не оставив после себя и намека на то, что существовал когда-то".

А. ГОРЛОВСКИЙ. "Повесть о маме".

Горловский со студентами кинотехникума в Ясной Поляне.

Литературный техникум с легким кинотехническим уклоном - так шутливо называли кинотехникум, когда в нем преподавал Горловский

Александр Самойлович Горловский начал работать в Загорском кинотехникуме с 1954 года преподавателем русского языка и литературы, имея за плечами четырехлетний педагогический стаж. В коллектив пришел молодой энергичный словесник. Такому только и работать с молодежью.

Техникум переживал трудные годы своего становления. Не хватало аудиторий, необходимого оборудования, мебели. В небольшом общежитии жили в основном преподаватели. Ученики вынуждены были снимать частные квартиры-улицы.

Но в техникуме царил адептская творческая атмосфера, создаваемая преподавателями-энтузиастами. Душой коллектива были завуч Алексей Павлович Дукьянов, бессменный председатель профессора; затем завуч Яков Борисович Усятинский и словесник Александр Самойлович Горловский. Интересные вечера, увлекательная самостоятельность притягивали к этому учебному заведению не только учащихся и преподавателей, но и городскую молодежь.

Александр Самойлович сумел так поставить преподавание и себя в коллективе, что действительно знание русского языка и литературы в техническом учебном заведении ставилось не на второй план. И не случайно техникум того периода путливо называли литературным техникумом с легким кинотехническим уклоном.

Конечно, это относилось не только к Горловскому. Весь уклад жизни в техникуме был таков, что в тот период многие преподаватели технических дисциплин тяготели к гуманитарным наукам воспитательной работы.

А. С. Горловский был сильным преподавателем. Много читал, обладал изумительной памятью, яркой образной речью, знал наизусть и читал на уроках отрывки из произведений русских и советских поэтов. Уроки его были эмоционально интересны. Пришел на урок - заслушаешься.

Александр Самойлович не только отлично вел занятия, но и соответственно много требовал от учащихся. Требовал, чтобы они читали художественные произведения, могли объяснить их суть.

Художественной литературы не хватало, мало ее было и в библиотеке техникума. Особенно трудно было приезжим, с собой ведь все книги не привезешь. Средства из средств на приобретение художественной литературы отводилось недостаточно, но на свой страх и риск мы увеличивали сумму на покупку нужных произведений. За утерянную техническую книгу

предлагали сдать в библиотеку художественную.

Часто на уроках, после устного опроса Горловский давал задания нравственного плана, ответить на которые надо было по существу всего в пяти-десяти строчках текста. Так он заставлял учащихся думать, осмысливать прочитанное, выделять главное.

Такая требовательность приводила к тому, что Александр Самойлович был первым среди преподавателей по количеству двоек по литературе у своих учеников, что, в свою очередь, осложняло его отношения с классными руководителями, администрацией. Ну кому понравятся двойки по литературе в техническом учебном заведении? К тому же за двойку учащийся снимался со стипендии. Не случайно завуч Яков Борисович Усятинский после безрезультатных уговоров и советов ставил тройки хотя бы за то, что учащийся прослушал рассказ преподавателя на уроке, вынужден был применять оригинальные наглядные средства, например, вывешивал фотогалерею двоичиков по литературе (и она была, увы, довольно внушительной); выдавал особую медаль юбиляру Горловскому "От коллектива неуспевающих по литературе" и т. д.

Обсуждали состояние успеваемости на педсоветах, семинарах классных руководителей. Горловский был неумолим.

Хотя, чего греха таить, мысленно-то все мы были с ним согласны. Он оказывал влияние и на формирование творческой атмосферы в педагогическом коллективе. Преподаватели стали больше читать, обсуждали литературные новинки, спорили с ним.

Александр Самойлович дорожил каждой минутой времени. На некоторых совещаниях иногда позволял себе тихо проверять тетради с сочинениями. Но все слышал и отвечал при случае всегда вполголоса. На педсоветах говорил ярко, убедительно.

А какие стихи писал Горловский! Ни один вечер преподавателей, а они в 60-70-е годы проводились частенько, не обходясь без поэтической священной, написанных им в содружестве с Я. Б. Усятинским.

В разговоре он умел находить нужную тональность, облекая все в добрые послания, часто в стиле каких-либо литературных героев. А критические замечания высказывал в такой дружеской иронической форме, что и обижаться было грешно. На вечерах принимал активное участие в викторинах, скетчах, режисе в танцах.

В 60-х годах в техникуме работал "Клуб любителей поэзии", организатором и ведущим его был Александр Самойлович, а в 70-е годы несколько лет работал кино-

университет, где он выступал с интересными лекциями по фильмам избранной тематики, сопровождал их выступлениями приглашенных из Москвы актеров, композиторов.

А. С. Горловский принимал участие в различных союзных и республиканских творческих мероприятиях, много ездил по стране с заданиями Союза журналистов и Союза писателей, членом которых он состоял. Администрация старалась создать ему для этого условия. А по возвращении из поездки он делился впечатлениями. А как увлекательно умел рассказать о каком-нибудь эпизоде, событии!

В 1976 году Александр Самойлович подготовил и выступил в издательстве "Молодая гвардия" сборник повестей, рассказов, писем К. Г. Паустовского и предпис мне в теплой дарственной надписью: "Милой "шефине" Лидии Кузьминичне с благодарностью за понимание и возможность заниматься этим очень черным "белым грудом", надеюсь, не последним. С глубоким уважением И. А. Горловский. 12/IX-76 г."

Удивительный знаток литературы он и на отдыхе умел увлечь слушателей своими рассказами. Хорошо запомнились поездки сотрудников с домочадцами в Архангельское, Ясную Поляну, Суздаль и другие места.

В 1965 - 69 гг. А. С. Горловский избирался депутатом Загорского городского Совета депутатов трудящихся, работал председателем постоянной комиссии по культуре. В техникуме руководил политсеминаром преподавателей.

Высококвалифицированная педагогическая деятельность, большая общественная работа неоднократно отмечались почетными грамотами Госкино РСФСР. Он награжден орденом "Отличник кинематографии СССР", медалью "За доблестный труд".

В 1981 году А. С. Горловский ушел из техникума, чтобы заняться только литературной работой. Но связи с техникумом не порывал.

О том, что он был тяжело болен, мы знали. Но сама мысль о его окончании так не вязалась с этим бурнодейственным человеком.

Вот кому Александру Самойловичу исполнилось бы 65 лет. Возраст зрелого мужчины! Как рано он ушел из жизни! Сколько доброго, полезного он мог бы дать людям!

Но он продолжает существовать в нашей памяти. Он с нами рядом до тех пор, пока живы те, кто его помнит.

Д. КОСЕНКОВА,
директор кинотехникума в 1966 - 81 гг.,
заслуженный работник культуры РФ.

Человек неиссякаемой энергии

Нет, пожалуй, в нашем городе культуры не было бы не выступал с лекциями Александр Самойлович Горловский. Судьба свела с этим замечательным человеком весной 1956 года. Мы вместе организовывали первые университеты культуры. Сначала это был клуб Скобяного завода, позже ДК им. Ю. Гагарина. Начинать что-то новое всегда трудно, но если человек увлечен идеей (а Горловский был очень увлеченным человеком), то успех дела обеспечен. Он составил программу литературного обмена, договорился с типографией, подыскивал интересных квалифицированных лекторов и даже сам распространял абонемента Казань, что ему всегда дается легко и просто, но это только казалось, труд в организацию этого нового дела был вложен колоссальный. И он не прошел даром. Народ на лекции пошел, они проходили в местной газете, всегда при переполненном зале. По окончании лекции слушатели долго не отпускали Горловского, задавали ему вопросы. От него исходил такой импульс обаяния и доброжелательности, который невольно притягивал к нему

людей. И они, прослушав первую его лекцию, ждали следующей, а для некоторых было даже неважно, какая тема лекции, главное, чтобы ее читал Горловский. Народ шел на Горловского, как на встречу со знаменитым певцом или кинозвездой.

С немалым энтузиазмом организовывал он литературное объединение "Свиток". К нему приходили начинающие, самостоятельные, требующие к себе особо острого внимания поэты, прозаики, журналисты, авторы, пишущие в газету "Вперед". Трудно подсчитать, сколько людей прошло через "Свиток", но и сейчас часто можно услышать от человека с гордостью сказанные слова: "Я ученик Горловского". Далеко не все его ученики стали поэтами, некоторые даже не решились опубликовать свои произведения в местной газете, но до сих пор они хранят тетради своих стихов с тонкими замечаниями и поправками Горловского. И продолжают писать. Для себя, друзей, товарищей по работе.

Почти 30 лет своей жизни Александр Самойлович посвятил пропаганде литературного наследия русских,

советских и западно-европейских писателей и поэтов. И все это на общественных началах, бескорыстно, из любви к делу, которому он служил. Остается только удивляться, как это у него получалось: совмещать преподавательскую деятельность в кинотехникуме, которая тоже требовала серьезной подготовки, с литературным трудом, с чтением лекций, с почти ежедневными поездками в Москву в редакции с огромной общественной работой.

Я часто вспоминаю его доброжелательную улыбку на фоне аккуратно постриженной бороды, его сияющие глаза и ту грусть, которая появилась в них в связи с началом неизлечимой болезни. Он никогда не порывал связь с Загорском. Он обожал наш город, в котором было так много друзей и почитателей его таланта. И вот его не стало. Но в моей памяти он навсегда останется другим, и бережно храню это последнее послание, в котором он просит внимание за то, что не может приехать на мой юбилей... что болей.

Б. ТРАЙТЕЛЬ,
заслуженный работник культуры РФ.

Ни дня без строчки

А. С. Горловский начал публиковаться в 1960 году. За 26 лет в центральной печати им опубликовано 286 статей и рецензий. Был он и постоянным автором газеты "Вперед".

Сегодня мы даем список его основных публикаций последних лет.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

- Позд (о М. Волошине) в книге "Цель - поиск". Кишинев, 1980 год.
- Чернышевский и Маяковский. "Литературная учеба", № 1.
- Жизнь в слове (предисловие) в книге Н. Эфрос "Искусство чтения". М. Искусство.
- О Шекспире, любви и ромеодулизме. "Детская литература", № 10.
- Найти себе (о современной прозе). "Юность", № 11.
- 1981 год
- Герой или "обломок целого"? (о положительном герое). "Литературная газета", 2 сентября.
- Гутчев и Волошин в книге "Волгописские чтения". М. ГЛР.
- Сопричастность (военная тема в прозе). "Юность", № 10.
- 1983 год
- Поздник (предисловие) в книге В. Литвинова. Встреча в снегу. М. "Молодая гвардия".
- Осознание времени (об историческом романе). "Литература в школе", № 6.
- Поздник горькая свеча (беседа с А. Жигулинным). "Вопросы литературы", № 12.
- 1984 год
- Базаров, Чешков и др. (о положительном герое). "Литературная газета", 6 июня.
- С чего начинается школа? (о "школьной" повести). "Детская литература", № 11.
- 1985 год
- Время и место критики (по журналам Закавказья). "Литературное обозрение". № 10.
- Владимир Маяковский. "Литературная учеба", № 5.
- 1986 год
- На холме Маковец (очерки о древнерусской литературе в современном понимании). "Наука и религия", № 5 и 7.
- 1987 год
- Назначение человека (о романе А. Бека). "Литературная Россия", 19 июля.
- Каверны "формулы успеха". "Правда", 11 января.

На снимке 1959 года вы видите А. С. Горловского, который ведет очередную читательскую конференцию. Рядом с ним заведующая библиотекой Э. К. Марибель.

